ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 44 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1916 27 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ВЫХОДЪ.

„За отсутствіемъ помѣщеній въ Петроградѣ пріѣзжіе студенты принуждены были ночевать подъ открытымъ небомъ въ Петровскомъ паркѣ...

Городской голова П. И. Леляновъ: — Что, коллеги, — холодно? Квартиръ нѣтъ? Вотъ подождите: рыбу изъ холодильниковъ вывезутъ, тогда помѣщеній вамъ будетъ сколько угодно.

Рис. Б. Ант.

I. Фердинандъ: — Вотъ-те и Сербія! Пусть-ка вырвется...

II. Вырвалась. — Ой.

ИКСКЮЛЬ.

Какъ старый барельефъ на камнѣ сѣромъ,
Сливаясь съ грязными мѣшками и землей,
На брустверъ легъ, припавъ къ нему всѣмъ тѣломъ
И, молча, въ даль глядитъ безмолвный часовой.
Телефонистъ, какъ мышь, забившись въ нишу,
Передаетъ слова; волнуется слегка;
Доносится къ нему: «Что?.. Штабъ полка... Не слышу!»
. . . . . .
А за окномъ, какъ сталь, чуть зыблется рѣка;
Прохладна ночь. И сырость, какъ туманомъ,
Одѣла лѣсъ въ сѣдой, полупрозрачный тюль.
И кажется таинственнымъ и страннымъ
Разрушенный, разгромленный Икскюль.

Викторъ Надель.

ДЕШЕВАЯ КОМНАТА.

Глава первая. Ждутъ.

— Батюшки! Шестьдесятъ восьмой!

— Пожалуйте въ очередь. Э, э! За уголъ! За угломъ очередь кончается.

— Товарищъ, я рекомендую вамъ уходить домой.

— Ничего, постою. Авось.

— Никакихъ авось, коллега. Дойди только до меня очередь, а ужъ я ни за что комнату не упущу.

— А вдругъ сотню запросятъ?

— Наплевать! Я, товарищъ, — богачъ. Триста рублей заработалъ. Кули и доски таскалъ. А теперь душа уюта запросила... Усталъ я на вокзалахъ ночевать... Гори моя сотня.

— Народъ давно стоитъ?

— Съ пяти утра. Въ пять газета съ объявленіемъ вышла, въ пять и стали... Мы уже и правила выработали. Будемъ по четыре человѣка входить. И чтобъ не больше десяти минутъ на партію...

— Снимутъ... Не дотянетъ до насъ...

— Батюшки! Уже девяносто четыре!

— Гаудеамусъ! Впускаютъ!

— Виноватъ, товарищъ, моя очередь на тумбѣ сидѣть. Продвигайтесь.

Глава вторая. Снимаютъ.

— Пожалуйте, господа. Извините, что пришлось подождать. Только что встали.

— Ничего. Мы привыкли.

— Милости прошу. Вотъ комната.

— Что... Эта... ком... на... та?.

— Да, эта комната.

— Батюшки, да это же дворецъ! Воздуху-то!

— Смотрите, товарищи, три печки.

— Да, господа-студенты, за тепло ручаюсь.

— Остаемся! Безусловно остаемся! Вотъ такъ комната! Тутъ — кровать, тутъ еще, здѣсь вы ляжете, здѣсь вы... А тутъ, хоть мазурку танцуй!

— Недаромъ я съ пяти стою!

— Ну, а цѣна?

— Десять рублей.

— Ч... ч... ч... т...

— Дайте товарищу воды! Ему дурно.

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего... Мнѣ только показалось... что... десять рублей.

— Конечно, десять рублей. Васъ четверо. Значитъ, по два съ полтиной съ брата.

Ударъ грома. Тишина.

— Это... не... возможно.

— Экій вы народъ... Хочу я вамъ, братцы, помощь посильную оказать. Самъ былъ студентомъ...

— Но десять рублей...

— Если вы воображаете, что кто-нибудь изъ насъ женится на вашей дочери...

— Товарищи, вы, кажется, въ ветеринарномъ институтѣ учитесь, — пощупайте у этого господина пульсъ.

— Господа, вы меня обижаете.

— Какое жъ тутъ оскорбленіе... Возьметъ десятку, а тамъ жди чортъ знаетъ чего...

— Привидѣнія что ли у васъ?

— Слушайте, сознайтесь, почему вы просите только десять рублей?

Крикъ съ улицы:

— Десять минутъ прошло.

— Ну, идемъ, господа.

— Неужели вы не возьмете?

— Лично я... лучше подъ мостомъ жить... Гдѣ это видано: за дворецъ — десятку.

Сконфуженные уходятъ.

Глава третья. — Генеральный совѣтъ.

— Товарищи! Прежде чѣмъ вы пойдете смотрѣть комнату, вы должны знать, что она помѣщается въ бельэтажѣ, имѣетъ размѣры по три сажени въ каждую сторону, теплынь райская, дровъ не жалѣютъ...

— Ой, не дразните... Пустите меня.

— Стойте, товарищъ! Комната эта сдается за десять рублей.

— Повторите!

— За десять рублей.

— Странно...

Тишина.

— Можетъ быть, они сумасшедшіе?

— Вы видѣли, какіе у нихъ глаза?

— Товарищи, я думаю, можно рискнуть...

— Господа, повліяйте на него.

— Можно спросить у городового. Можетъ быть, онъ знаетъ, гдѣ собака зарыта.

— Господинъ городовой!

— Попрошу, разойдитесь!

— Городовой, что тутъ творится? Комнату въ шестомъ номерѣ за десятку сдаютъ.

— Это не возможно.

— Ну, вотъ, товарищи, и городовой говоритъ.

— Безусловно, въ чемъ-то тамъ заинтересованы, что-то тамъ нужно отъ насъ...

— Можетъ, фальшивыя марки дѣлаютъ?

— Ей Богу, въ первую ночь ограбятъ.

— Хлысты, навѣрное.

— У насъ въ Самарѣ былъ такой случай.

— Ну?

— Я вамъ, товарищи, не лошадь.

— Товарищи, рѣшайте же...

— Давайте рискнемъ. Ей Богу, куда ни шло.

— Шли бы лучше на фронтъ. Рисковать, такъ рисковать за дѣло.

— А я все-таки пойду. Кто со мной?

Тишина.

—Ну, одинъ въ полѣ не воинъ.

Расходятся.

Глава четвертая. Вспоминаютъ.

— Помните, товарищъ, мѣсяцъ тому назадъ мы дежурили у квартиры. Помните, за десять рублей?

— Конечно, помню. Такъ что?

— До сихъ поръ пустуетъ. Весь нашъ университетъ перебывалъ. Придутъ, узнаютъ о цѣнѣ и долой.

— А вы товарищъ, гдѣ сейчасъ устроились?

— Если по совѣсти, то нигдѣ. По товарищамъ шляюсь... Иногда заночуешь въ трамвайномъ паркѣ, иногда возьмешь билетъ до первой станціи, переночуешь тамъ, да й обратно въ городъ.

— А туда — не хотите?

— Ну, ее къ чорту... Боюсь...

Евграфъ Дольскій.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.

„Ходатайства родительскихъ комитетовъ объ отмѣнѣ наказанія учениковъ „оставленіемъ безъ обѣда“ отклонены“.

Третьеклассникъ Кошкинъ Павелъ изъ художниковъ, пострѣлъ, и язвительно направилъ на начальство массу стрѣлъ.

Третьеклассникъ Кошкинъ Павелъ безпредѣльно обнаглѣлъ, Кошкинъ знать не хочетъ правилъ. Кошкинъ золъ, остеръ и смѣлъ. Кошкинъ въ третью перемѣну учинилъ большой скандалъ: за доскою въ классѣ стѣну мѣломъ всю разрисовалъ, но въ рисункѣ не увѣренъ, подписалъ внизу поэтъ:

«Сей въ мундирѣ сивый меринъ, — гимназическій совѣтъ».

— Кошкинъ Павелъ — безъ обѣда. Кошкинъ, мучайся, злодѣй! Кошкинъ, нѣтъ въ законахъ правилъ насъ считать за лошадей. Видишь, — руки, видишь, — ноги? Вотъ мундиръ, а вотъ журналъ... Кошкинъ Павелъ, въ педагогѣ какъ ты лошадь увидалъ? На сіе твой взглядъ не вѣренъ: самъ ты, Кошкинъ, разсуди: ну, какой я сивый меринъ? Безъ обѣда посиди.

Кошкинъ Павелъ безъ обѣда. Кошкинъ въ классѣ ловитъ мухъ. Но ехидный непосѣда вольнымъ духомъ не потухъ, — обуянъ мятежнымъ зудомъ, на свободѣ, безъ препонъ, «аристотелевскимъ блудомъ» занялся голодный онъ:

1) Лошадь думать не умѣетъ, чувствъ въ ней два лишь: боль и страхъ, подъ кнутомъ она нѣмѣетъ, вѣчно ходитъ въ поводахъ...

2) И въ мундирахъ педагоги думать тоже не хотятъ и, пускай они двуноги, добрымъ чувствомъ не блестятъ: вѣкъ живутъ по циркуляру, словно сивка иль саврасъ; безъ любви, безъ чувствъ, безъ жару офутляриваютъ насъ...

3) Ergo, (мудрствовалъ сатирикъ) — если намъ савраску взять да одѣть ее въ мундирикъ, — тоже можетъ просвѣщать...

— Кошкинъ, брось, пока не плакалъ, не мудри, мой другъ, остынь: силлогизмъ твой вышелъ на колъ, лучше выучи латынь.

Евг. Вѣнскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Однажды въ циркѣ Чинизелли показывали какого-то восточнаго безумца Магометъ-бенъ-Али. Означенный безумецъ занимался тѣмъ, что глоталъ живыхъ лягушекъ и, подержавъ ихъ нѣсколько времени въ желудкѣ, весело извергалъ тѣмъ же путемъ обратно. Лягушки прыгали въ бассейнъ и всѣмъ было пріятно.

Этотъ литературный сложный типъ и привлекъ пристальное вниманіе писателя В. Брусянина... Въ разсказѣ „Лунная Соната“ („Нов. журн. для всѣхъ“) В. Брусянинъ пишетъ:

— Онъ былъ такой смѣшной причудникъ, — продолжала тетя, — наловитъ въ саду на дорожкахъ маленькихъ зеленыхъ лягушатъ, наберетъ ихъ въ ротъ, а потомъ и выплевываетъ, какъ косточки отъ чернослива!

Мы понимаемъ: лавры чеховскаго телеграфиста, раздѣвавшагося голымъ, ѣвшаго мухъ и находившаго, что онѣ кисленькія — не даютъ спать В. Брусянину.

*

„Синій Журналъ“ выпустилъ спеціальный номеръ „о счастливцахъ“.

Приводимъ подпись подъ одной фотографіей:

СЧАСТЛИВАЯ РУКА.

Передъ вами рука мадамъ Пассенъ. Этой рукой ея счастливая обладательница выиграла въ рулетку 600.000 франковъ.

Интересно, что м-мъ Пассенъ — лѣвша и свой огромный выигрышъ она брала именно лѣвой рукой, которую мы здѣсь и воспроизводимъ.

Такъ-съ. А воспроизведена *правая рука.*

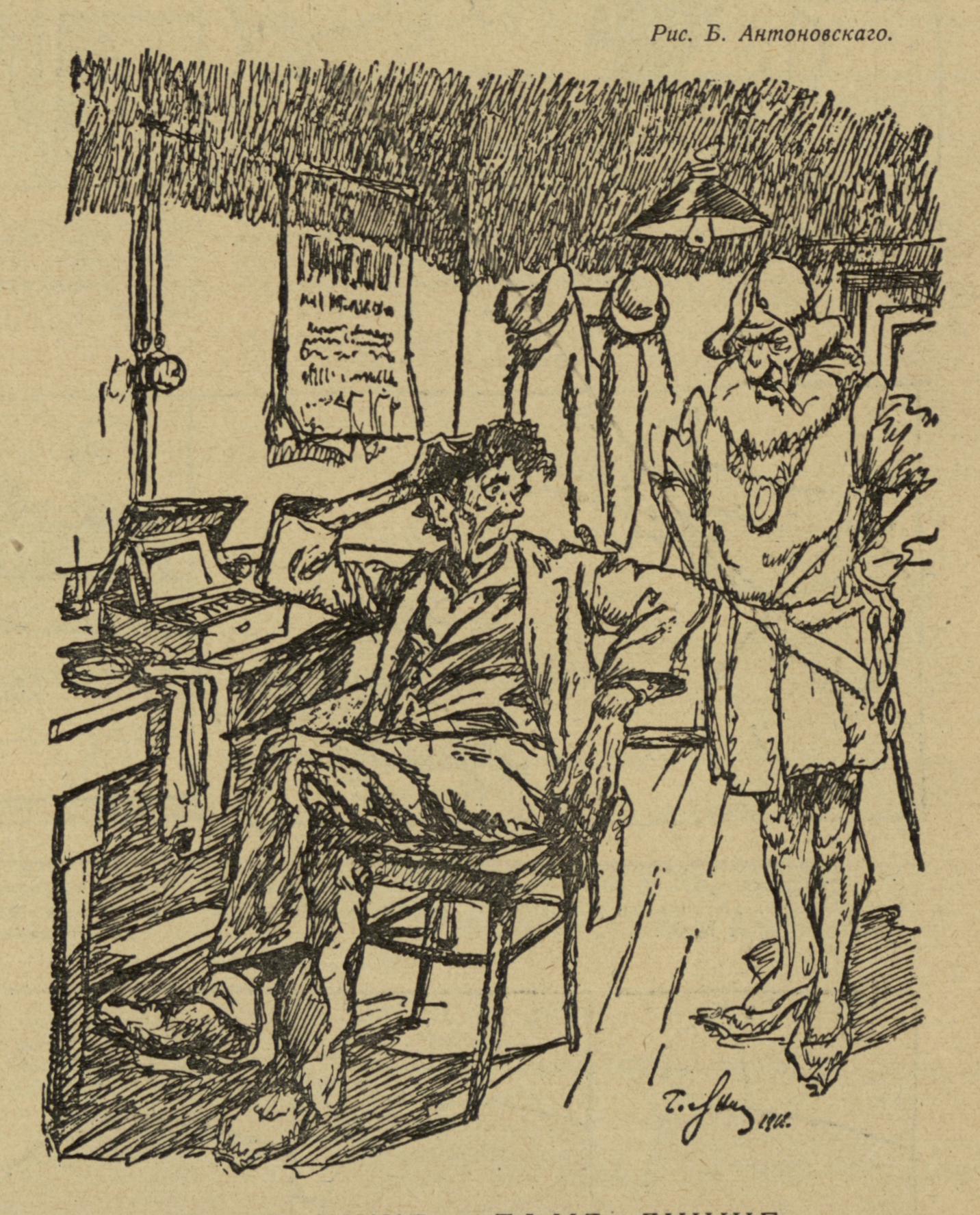
Хорошаго же мнѣнія „Синій Журналъ“ о своемъ читателѣ, полагая, что онъ, все равно, правой отъ лѣвой не отличитъ.

Одинъ изъ счастливчиковъ, какой-то Котовъ, пишетъ о себѣ:

„Я родился въ сорочкѣ. Мнѣ 21 годъ. Въ этомъ году окончилъ реальное училище“.

Вообразите этакого дядю, который только въ 21 годъ окончилъ реальное училище и еще почитаетъ себя счастливымъ — и вы постигнете душу средняго читателя „Синяго Журнала“...

Рис. Б. Антоновскаго.



ЧѢМЪ ХУЖЕ — ТѢМЪ ЛУЧШЕ.

— Послушай: почему ты нынче такъ отвратительно игралъ?

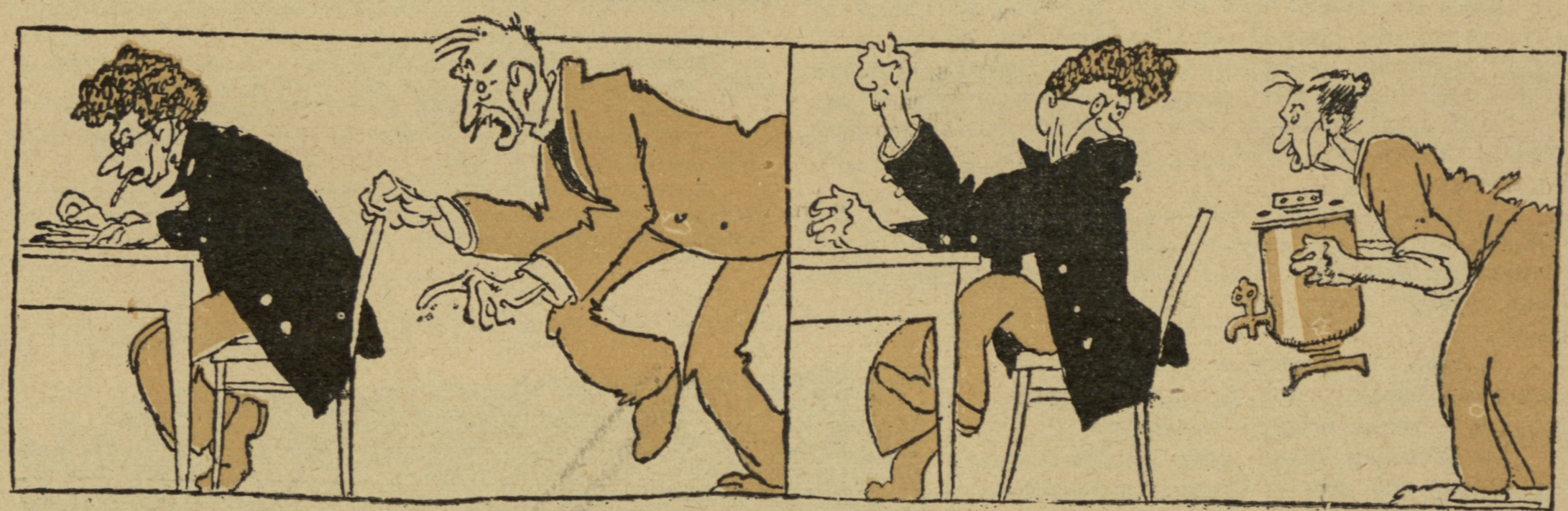
— Нарочно. Два дня ничего не ѣлъ — думалъ хоть одна собака, возмутившись, швырнетъ въ меня яйцомъ или соленымъ огурцомъ!

БЛОХА
или
НАШЪ НЕРВНЫЙ ВѢКЪ...

Рис. Б. Антоновскаго.

Свирѣпая блоха всю ночь не давала спать бѣдному домовладѣльцу.

Проснувшись, злой, разстроенный домовладѣлецъ набросился на квартиранта, набавилъ ему на квартиру и, вообще, обидѣлъ человѣка.



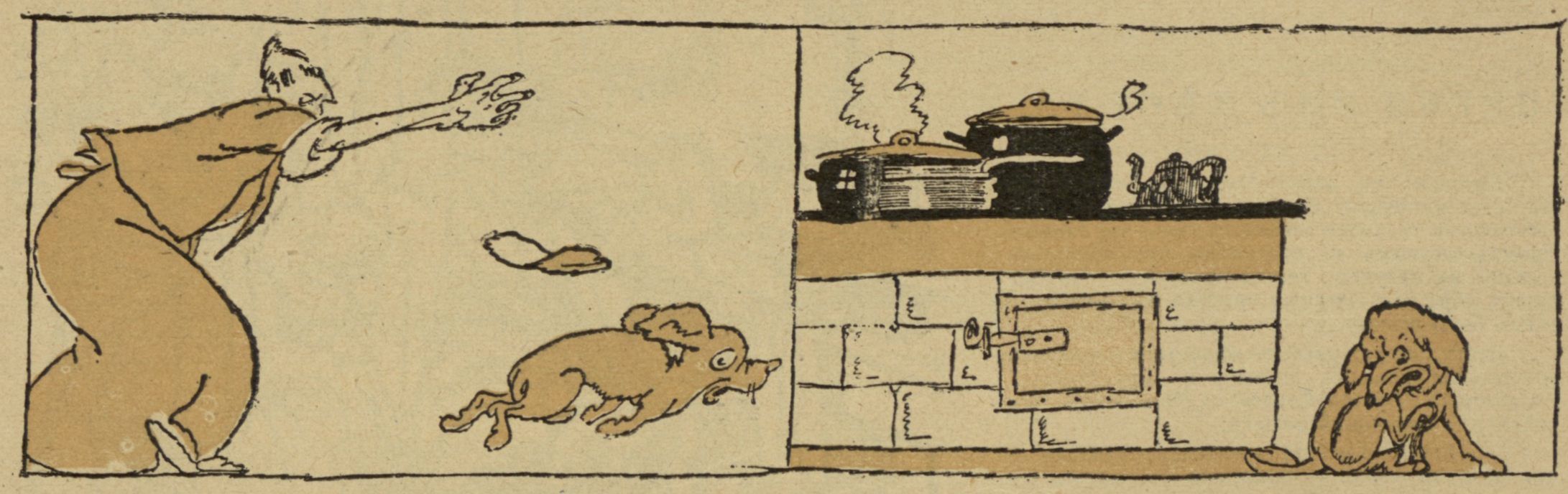
Обиженный, растерявшійся квартирантъ явился домой и набросился на ни въ чемъ неповиннаго своего жильца-студента:

— Не смѣйте тутъ курить — домъ спалите!

Комнатному жильцу, однако, почти не на комъ было сорвать свое сердце...

Только кухаркѣ, принесшей самоваръ, онъ замѣтилъ очень грубо:

— Чего ногами топочешь, какъ лошадь?..



Идя на кухню, кухарка злобно подумала:

„Ругается, чортъ. А мнѣ-то ужъ не на кого наброситься“...

Однако, увидѣла въ углу забитую хозяйскую собаченку и сердито пнула ее ногой.

— Эхъ, жизнь, — тоскливо простонала собаченка и отъ злости чамкнула зубами, поймала и перекусила блоху — ту самую, которая кусала домовладѣльца...

Ту самую.

И сразу все успокоилось: спали спокойно всѣ — никто не нервничалъ...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Пріятнаго аппетита.

За дурной головой, говоритъ русская пословица, и ногамъ плохо:

Образованная предсѣдателемъ продовольственной комиссіи г. Коротневымъ особая комиссія осмотрѣла черниговскій холодильникъ и убѣдилась, что до 60.000 пудовъ разныхъ продуктовъ дѣйствительно не можетъ быть пущено въ продажу, въ виду того, что они покрылись плѣсенью.

Но плѣсень эта пока проникла не глубоко и можетъ быть удалена.

Очищенные отъ этого „дефекта" продукты должны быть обращены въ засолъ и проданы.

Мѣра, несомнѣнно, прекрасная. И если петроградцы начнутъ ѣсть этотъ „засолъ", то къ рыбнымъ и картофельнымъ кладбищамъ прибавится еще одно — человѣческое.

Подъ горячую руку.

— Кутить такъ кутить! — воскликнулъ одинъ оборванецъ, — и съѣлъ кусокъ хлѣба съ солью.

Въ настоящее время усиленно разрабатывается и уже подходитъ къ концу законопроектъ о борьбѣ съ роскошью.

Особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Лангового, пришла къ выводу, что необходимо запретить ввозъ въ Россію цѣлаго ряда предметовъ роскоши. Въ спискѣ этихъ предметовъ съ удивленіемъ видимъ слѣдующее:

— Артишоки, цвѣтная капуста, спаржа, зеленый горошекъ, салатъ, арбузы и дыни. Фрукты и ягоды. Горчица, грибы, паштеты.

Кондитерскія издѣлія. Хлѣбъ и экстрактъ изъ него.

Итакъ, — хлѣбъ предметъ роскоши.

А что же тогда предметъ первой необходимости? Гвоздь на стѣнѣ и веревочная петля?

Ибо — если хлѣбъ недоступная роскошь, то голодному человѣку только и остается прибѣгнуть къ этой нехитрой комбинаціи.

Сарынь на кичку!

Сквозь сухія, дѣловыя, прилично выписанныя цифры, нѣтъ-нѣтъ, да и проглянетъ вышеупомянутый старинный девизъ:

Латунно-мѣднопрокатный заводъ Кальчугина выпустилъ отчетъ о дѣятельности завода. Заводъ работаетъ исключительно на нужды казны. За отчетный годъ заводъ получилъ 14.193.091 рубль прибыли на основной капиталъ въ 10 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ прибыль завода превышаетъ 140 проц.

Мы, конечно, простые, не дѣловые, не коммерческіе люди. Но, по-нашему, по-простому, нужно сдѣлать такъ: прочтя этотъ „отчетъ", военное вѣдомство должно отобрать у завода 12 милліоновъ, а два милліона пусть заводъ раздастъ на акціи, какъ дивидендъ.

Просто, мило и справедливо.

Рѣка, текущая млекомъ и медомъ.

Сейчасъ будемъ портить нашимъ петроградскимъ читателямъ настроеніе.

„Вечернія Биржев." пишутъ, что въ городѣ Алешкахъ (есть и такой) продукты продаются по слѣдующей цѣнѣ:

Мясо — 24 коп. фунтъ, баранина — 27 к., пара живыхъ куръ — 90 коп., утка — 10 к., большая ручная корзина помидоровъ — 5 к., арбузъ — одна копейка за штуку, пара дынь — копейка; рыба продается десятками, при чемъ окуни, караси и лини продаются по 8 к. за десятокъ; самое лучшее столовое виноградное вино, довольно крѣпкое — 25 коп. бутылка и т. д. Что же касается жилищнаго вопроса, то здѣсь квартира изъ 4—5 комнатъ расцѣнивается до 20 руб. въ мѣсяцъ; комнаты съ мебелью — отъ 3 до 4 рублей.

Три сестры Чехова тихо стонали:

— Въ Москву, въ Москву!

Милліоны братьевъ застонутъ иначе:

— Въ Алешки, въ Алешки!

Знать, что за тысячу съ чѣмъ-то верстъ пара (?) дынь стоитъ копейку и платить въ Петроградѣ за одну дыню 5—6 рублей — въ одну ночь можно посѣдѣть отъ этой мысли.

На цѣпи и подъ ключомъ

Существуетъ разное геройство:

„Русскому Слову" сообщаютъ, что при взятіи окоповъ въ районѣ Дорна-Ватры было обращено вниманіе, что общіе окопы дѣлаются по новопринятой системѣ. Окопы дѣлаются такъ глубоко, что отвѣсъ задней стѣнки достигаетъ чуть не человѣческаго роста. Сами траншеи пересѣкаются траверсами, снабжены наглухо закрывающимися дверями, ключи отъ которыхъ находятся у офицеровъ. Амбразуры обведены изгородями изъ колючей проволоки, въ которыхъ устроены калитки, запирающіяся на ключъ. Ключи эти также находятся у офицеровъ. Такимъ образомъ, теперь противникъ вводитъ солдатъ въ окопы и тамъ ихъ запираетъ. Послѣ этого остается, конечно, только сражаться на смерть. Но австрійскіе солдаты все же предпочитаютъ сдаваться въ плѣнъ, чѣмъ умереть въ этихъ окопахъ. Система эта напоминаетъ приковываніе къ пулеметамъ.

Существуетъ разное геройство...

Одно формулируется такъ:

— Ребята, впередъ! Умремъ или побѣдимъ!

А другое гораздо прозаичнѣе:

— А вотъ ты у меня, собака, посиди въ окопахъ подъ замкомъ, такъ я посмотрю, какъ ты удерешь изъ окоповъ!

Довлѣетъ дневи злоба его.

Кронпринцъ груститъ.

Третья зимняя кампанія вовсе не улыбается нѣмцамъ.

О ней кронпринцъ уныло замѣтилъ корреспонденту:

— Какъ вы знаете, я имѣю жену и семью и, увѣряю васъ, это далеко не пріятная перспектива — провести здѣсь третье Рождество.

— За два года, — со вздохомъ добавилъ онъ, — я провелъ дома всего двѣ недѣли.

Зато дома легко вздохнутъ.

Мыльный вопросъ.

Во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ развѣшенъ такой рекламный плакатъ:

— Я былъ грязнымъ!

Теперь подъ нимъ можно вывѣсить другой:

— А буду еще грязнѣе!

Аптекарскими магазинами получено извѣщеніе отъ парфюмерныхъ фирмъ, что цѣны на разныя мыла и всякую парфюмерію повышаются еще на пятьдесятъ процентовъ.

Такъ какъ лишь недавно цѣны были подняты на сто процентовъ, то теперь въ общей сложности накинули сто пятьдесятъ процентовъ.

Кусокъ мыла, стоившій раньше двугривенный, теперь стоитъ 50—70 копеекъ.

Недаромъ существуетъ пророческое выраженіе:

Взмылить цѣну.

Мала куча.

Городская дума, очевидно, разсчитана на обслуживаніе четвероногихъ.

Городская дума, очевидно, разсуждаетъ:

— Ну, хорошо, ну двѣ ноги сломаетъ петроградская безотвѣтная скотинка на нашей мостовой, но двѣ же — останутся?

На Невскомъ пр., противъ самаго зданія городской думы, уже больше недѣли разворочена вся мостовая послѣ сильныхъ дождей, когда торцы всплыли и мостовая развалилась. Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ дней здѣсь навалили цѣлую гору новыхъ торцовъ, но къ работамъ до сихъ поръ не приступаютъ. Между тѣмъ мѣсто это затрудняетъ движеніе какъ для извозчиковъ, такъ и для трамваевъ, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ находится, одинъ изъ оживленныхъ пунктовъ трамвайной посадки пассажировъ. Извозчики направляютъ лошадей прямо на публику, мостовая разворочена, на рельсы стать нельзя, такъ какъ идетъ трамвай.

Комбинація развороченной мостовой, ямъ, несущагося трамвая и падающихъ лошадей и даетъ именно то, къ чему такъ стремится продовольственная комиссія — свѣжее мясо.

ГРѢХЪ.

Въ осенній день иду походкой валкою,
Иду, пою...
Сейчасъ въ лѣсу орѣховою палкою
Убилъ змѣю,
И, положивъ на пень, среди орѣшника,
Завилъ въ спираль:
Мнѣ погубить завѣдомаго грѣшника
Ничуть не жаль.
Вокругъ змѣи изъ прутиковъ березовыхъ
Заплелъ плетень
И набросалъ цвѣтовъ невинно-розовыхъ
На старый пень.
А въ ротъ змѣѣ, что долго куралесила,
Вложилъ орѣхъ.
Вотъ такъ вчера я разукрасилъ весело
Убитый грѣхъ.

. . . . . .

Сегодня мнѣ бороться съ мыслью жалкою
Не стало силъ:
Зачѣмъ вчера змѣю ударилъ палкою,
Зачѣмъ убилъ?
Случайный гость зеленаго орѣшника,
Чужой лѣсамъ,
Зачѣмъ я сталъ судьей лѣсного грѣшника,
Я — грѣшный самъ?..

Владимиръ Василенко.

НОВАЯ ГРЕЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА.
„ОСВОБОЖДАЮЩІЙСЯ ЛАОКООНЪ“.

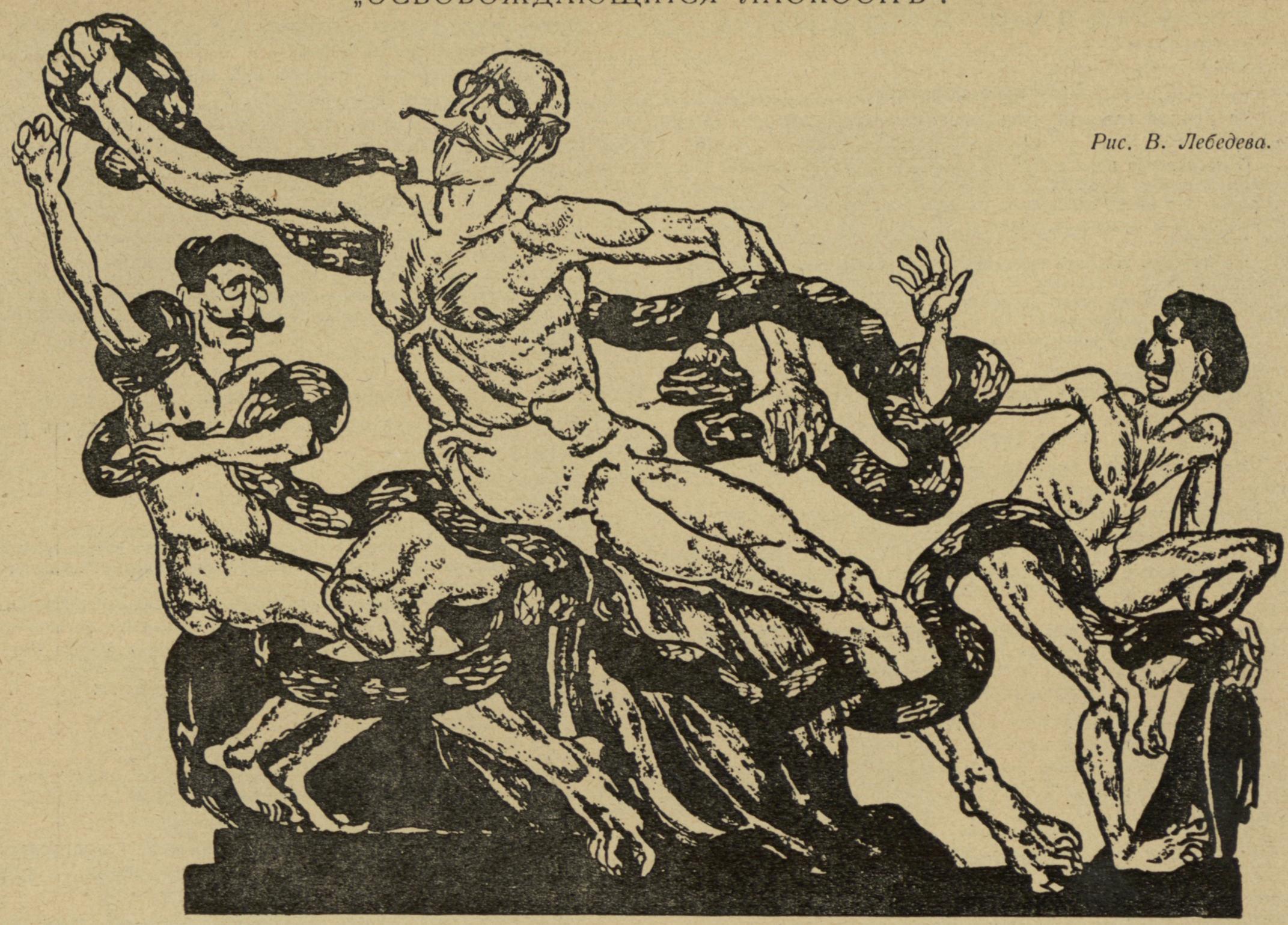


Рис. В. Лебедева.

ВЕНИЗЕЛОСЪ И ПРОЧІЕ УМНЫЕ ГРЕКИ.

МОКРИЦА.

На ярмаркѣ словъ прослывя конокрадомъ,
Онъ риѳмы у классиковъ свелъ со двора:
Сведетъ и поставитъ ихъ бережно рядомъ —
Стихи староваты, но риѳма — пестра.

О солнцѣ и днѣ одинаково скверно
Чужими словами привыкъ говорить,
Но въ выдержкѣ крѣпкаго стиля-модерна
Кто можетъ такимъ изворотливымъ быть?

Читаютъ его захолустныя вдовы,
Имъ даже акцизные ставятъ на видъ:
— Вы, Анна Петровна, — эстетка... Ахъ, что вы!..
— Ну какъ же: у васъ Кровотековъ лежитъ...

Читаютъ газетные критики: надо.
Читаютъ курсистки: нельзя отставать...
Купчихи душевнаго нѣжнаго склада,
Студенты, конторщики — цѣлая рать...

И нѣтъ и не будетъ конца восхищеньямъ:
— Ахъ, самъ Кровотековъ... Вотъ это — поэтъ...
Какая любовь къ неземнымъ превращеньямъ...
Ему вѣдь по тонкости равнаго нѣтъ...

* * *

Ахъ, братцы-читатели... Если бъ могли вы
Его, какъ лягушку на опытѣ, вскрыть:
Платежъ за квартиру и поиски пива, —
Съ другой стороны — вороватая прыть.

Онъ хамъ по натурѣ. Невѣжествомъ полонъ.
По части эстетики — радостно слабъ.
И въ женщинѣ свой идеалъ пріобрѣлъ онъ —
Въ одной изъ конфузливыхъ кухонныхъ бабъ.

Онъ въ грязной рубахѣ и вѣчно небритъ онъ...
Часами смакуетъ одинъ анекдотъ
И такъ безнадежнымъ мѣщанствомъ пропитанъ,
Что даже въ танцклассѣ уроки беретъ.

Ему ни въ одну изъ ночей не приснится,
Что есть вдохновенье и пѣнистый стихъ...

И вотъ процвѣтаетъ такая мокрица,
Подъ милостью вашихъ поклоновъ тупыхъ...

Арк. Буховъ.

РЕМЕСЛО ТВОРЦА.
Разсказъ.

Въ одно утро Танкредовъ проснулся новымъ человѣкомъ.

Это было неожиданно и удивительно, потому что Танкредовъ былъ человѣкомъ немолодымъ, укоренившимся въ жизни, обросшимъ репутаціей, привычками и взглядами. Къ тому же, будучи романистомъ и драматургомъ, онъ успѣлъ въ книгахъ и пьесахъ многократно высказать свои взгляды на жизнь. Начать по-новому мыслить было для него, помимо всего, неудобно, почти неприлично.

Но это случилось. И случилось при самыхъ нелѣпыхъ обстоятельствахъ. Ночью. Во снѣ.

Проснувшись утромъ и вспомнивъ все, что произошло во время сна, Танкредовъ со свойственной ему категоричностью, произнесъ:

— Чепуха!

Однако сейчасъ же почувствовалъ, что это совсѣмъ не чепуха, что весь міръ какой-то новый, и самъ онъ новый.

Танкредовъ хотѣлъ встревожиться, протестовать, сердиться. Но вмѣсто того, весело разсмѣялся и почувствовалъ себя лѣтъ на двадцать моложе. И даже то, что новое отношеніе къ жизни вносило безпорядокъ въ его работу, не могло омрачить его радостнаго настроенія.

* * *

Вотъ какъ это произошло.

Вечеромъ, въ гостяхъ у одного критика, Танкредовъ горячо спорилъ о жизни.

Будучи пессимистомъ не только по убѣжденію, но и по литературному амплуа, Танкредовъ увѣрялъ:

— Міръ устроенъ нелѣпо. Нѣтъ ни одного человѣка, чья жизнь удовлетворяла бы самымъ элементарнымъ требованіямъ логики. Нѣтъ ни смысла, ни послѣдовательности въ томъ, что происходитъ въ человѣческомъ мірѣ.

Танкредову возражали многіе. Хозяинъ дома, занимавшій въ литературѣ амплуа «пѣвца бодрости», говорилъ весьма увѣренно, щеголяя цитатами изъ Шекспира и Игоря Сѣверянина. Какой-то остроносый и мутноглазый юноша прочелъ цѣлую лекцію о «непріятіи бытія», и слова этой лекціи были остроносыя, а мысли мутноглазыя. Молодой футуристъ съ бородавкой у основанія толстаго носа величественно поднялся, цвѣтисто выругался и, отбросивъ ногой стулъ, шумно усѣлся на полу.

А Танкредовъ всѣмъ по очереди отвѣчалъ.

Недалеко отъ Танкредова сидѣла молодая женщина съ голубыми мечтательными глазами и мягкой улыбкой въ углахъ тонкихъ красивыхъ губъ. Она сразу понравилась Танкредову, и онъ уже прицѣливался къ ней. Не какъ мужчина, а какъ писатель. Думалъ о томъ, въ какой романъ онъ ее вставитъ, кого въ нее влюбитъ и какой узелъ завяжетъ въ ея судьбѣ.

Она же, какъ бы угадавъ его мысли, вмѣшалась въ споръ и, обращаясь прямо къ нему, сказала:

— Вы слишкомъ строги къ судьбѣ, которая распоряжается нашей жизнью... Хотѣла бы я видѣть, что бы вы сами сдѣлали на ея мѣстѣ... Вотъ хотя бы со мной...

Въ этихъ словахъ не было никакого особеннаго значенія, и никто изъ спорившихъ не отнесся къ нимъ, какъ къ серьезному и вѣскому возраженію. Но, должно быть, потому, что Танкредовъ мысленно уже дѣлалъ то, что она предлагала, уже перестраивалъ ея судьбу, вмѣщая ее въ романъ, — на него эти слова сильно подѣйствовали. Онъ вспоминалъ ихъ нѣсколько разъ, ѣдучи домой, и дома за работой.

Можетъ быть, отъ этой фразы незнакомки съ голубыми глазами и произошло все дальнѣйшее.

Можетъ быть, не скажи она этихъ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, все осталось бы попрежнему, Танкредовъ писалъ бы свои романы и пьесы, и умные критики продолжали бы ткать паутину туманныхъ фразъ о «непріятіи бытія» и «мрачномъ отчаяньи» талантливаго «пѣвца безвременья».

* * *

Какъ только Танкредовъ заснулъ, къ нему собрались всѣ персонажи его романовъ и пьесъ, всѣ сочиненные имъ люди.

Это была разношерстая толпа. Танкредовъ зналъ каждаго въ отдѣльности, но всѣхъ вмѣстѣ ни разу не попытался представить себѣ. Теперь же, увидавъ ихъ въ одной кучкѣ, онъ испугался, не сразу узналъ, а узнавъ нѣкоторое время не хотѣлъ признать.

Кого только не было въ этой толпѣ! Графиня, земскій начальникъ, курсистки и студенты, клубный арапъ, купцы, интеллигенты всѣхъ категорій, авантюристы, честные люди, таланты и бездарности, ипохондрики и сангвиники, мечтатели и реалисты, счастливцы и неудачники... развѣ всѣхъ перечтешь?

— Ну, и наплодилъ! — въ ужасѣ прошепталъ Танкредовъ.

Но, въ сущности, онъ былъ несправедливъ къ себѣ. Въ десяти пьесахъ у него было всего 120 дѣйствующихъ лицъ, ибо, гоняясь за «авторскими» изъ провинціи, Танкредовъ приспособлялъ свои пьесы для самыхъ маленькихъ труппъ. Въ четырехъ романахъ онъ вывелъ восемьдесятъ фигуръ, тоже безъ излишней щедрости. Но всѣхъ вмѣстѣ ихъ было 200, большая толпа, которая могла испугать и болѣе смѣлаго человѣка, чѣмъ Танкредовъ.

«Что это у нихъ? Митингъ, что ли? Можетъ быть, забастовка или что-нибудь въ этомъ родѣ?» — подумалъ Танкредовъ, тревожно вслушиваясь въ подозрительный гулъ.

Ему пришлось ждать недолго.

Толпа приближалась, наступала на него. Теперь Танкредовъ уже ясно чувствовалъ ея воинственное настроеніе. Уже доносились къ нему восклицанія возбужденныхъ людей.

— Это онъ и есть? — говорили въ толпѣ. — Такъ это и есть нашъ творецъ, давшій намъ жизнь и управляющій нашими поступками и нашими чувствами?.. Ну, и физіономія, нечего сказать!.. Какой-то плѣшивый и близорукій человѣкъ съ хроническимъ насморкомъ!.. Хо-о-р-р-ошъ!.. Графъ, какъ вамъ нравится вашъ создатель?.. Примадонна Златокудрова, вы бы его, навѣрное, въ уборную къ себѣ не впустили?.. Милліонеръ Чуйкинъ, почему бы вамъ не дать создавшему васъ и надѣлившему васъ милліонами хотя бы нѣсколько рублей на болѣе приличную сорочку?.. Ну, и творецъ!.. Ну, и создатель!.. Ну, и руководитель!.. А ну-ка посмотримъ, что онъ отвѣтитъ на наши справедливыя нареканія?

У Танкредова кровь въ жилахъ застыла. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, притворился спокойнымъ и заговорилъ:

— Господа!.. — смутился и сейчасъ же поправился: — Дѣти мои!... — опять на минуту остановился и, наконецъ, сощурилъ глаза и, чувствуя себя такъ, какъ будто онъ бросается въ пропасть, закричалъ: — Любимыя чада мои! Дѣти души моей! Я такъ радъ увидѣть васъ всѣхъ вмѣстѣ! Я благословляю случай, который привелъ васъ ко мнѣ! И я прошу васъ сказать мнѣ все безъ утайки, безъ смущенія, безъ страха!

Ему отвѣтили короткими ироническими возгласами:

— Ужъ скажемъ!

— Чего тамъ утаивать?

— А ты думаешь, испугались тебя?

Потомъ началось. Одинъ за другимъ выступали впередъ герои танкредовскихъ романовъ и пьесъ и по очереди отчитывали своего автора.

Танкредовъ весь сжался и только по временамъ пугливо озирался: не подслушиваетъ ли какой-нибудь театральный репортеръ? Къ счастью, никого не было. Танкредовъ былъ наединѣ съ возставшей толпой своихъ персонажей.

* * *

Первой заговорила «демоническая женщина», Марнавская, героиня лучшаго романа Танкредова.

— Послушайте, вы! — со злой насмѣшкой на тонкихъ губахъ крикнула она. — Что жъ это вы такое со мной натворили? Какого чорта влюбили вы меня въ безусаго юнца-студента и заставили для него бросить блестящую карьеру?.. Гдѣ здѣсь логика, милостивый государь?... И почему, позвольте васъ спросить, въ семнадцать лѣтъ выдали вы меня замужъ за старика?.. Вамъ это надо было для занимательности вашего романа?... Ну, а мнѣ? Мнѣ? На что это мнѣ надо было?... Вы исковеркали мою жизнь, милостивый государь!..

— Но, милая, вѣдь, такъ въ жизни бываетъ... — попробовалъ возразить Танкредовъ. — Вѣдь, я для того и пишу, чтобы показать, что въ жизни все плохо устроено!

— Лжешь! — сердито крикнула Марнавская. — Въ жизни и такъ бываетъ, и иначе бываетъ. Всяко въ жизни бываетъ! А ты, когда писалъ, не у жизни бралъ, а создавалъ свое... И любилъ ты меня, когда сочинялъ, вѣдь, я же помню! И хотѣлъ для меня все получше устроить!.. Да только не умѣешь ты!..

— А ужъ меня-то ты, навѣрное, не изъ жизни взялъ! — заговорилъ молодой красавецъ Синеоковъ. — Меня ты сознательно сочинялъ. Самъ говорилъ: «Пусть такого нѣтъ, но онъ долженъ быть, это идеалъ!» Такъ вѣдь? Ну-съ, теперь посмотримъ. Нужно мнѣ было вмѣшиваться въ грязную исторію съ какой-то глупой дуэлью и получить дурацкую пулю въ сердце? Нужно мнѣ было влюбиться въ пошленькую мѣщаночку и разыгрывать цѣлую трагедію въ захолустьѣ? Если я человѣкъ достойный, почему ты меня не сдѣлалъ, ну если не министромъ, то депутатомъ?... На какую чепуху ты заставилъ меня растратить мой умъ и мои способности?.. Ты, можетъ быть, опять скажешь, что въ жизни такъ бываетъ?.. Но вѣдь ты хотѣлъ показать, какъ должно быть въ жизни! Что же ты показалъ?

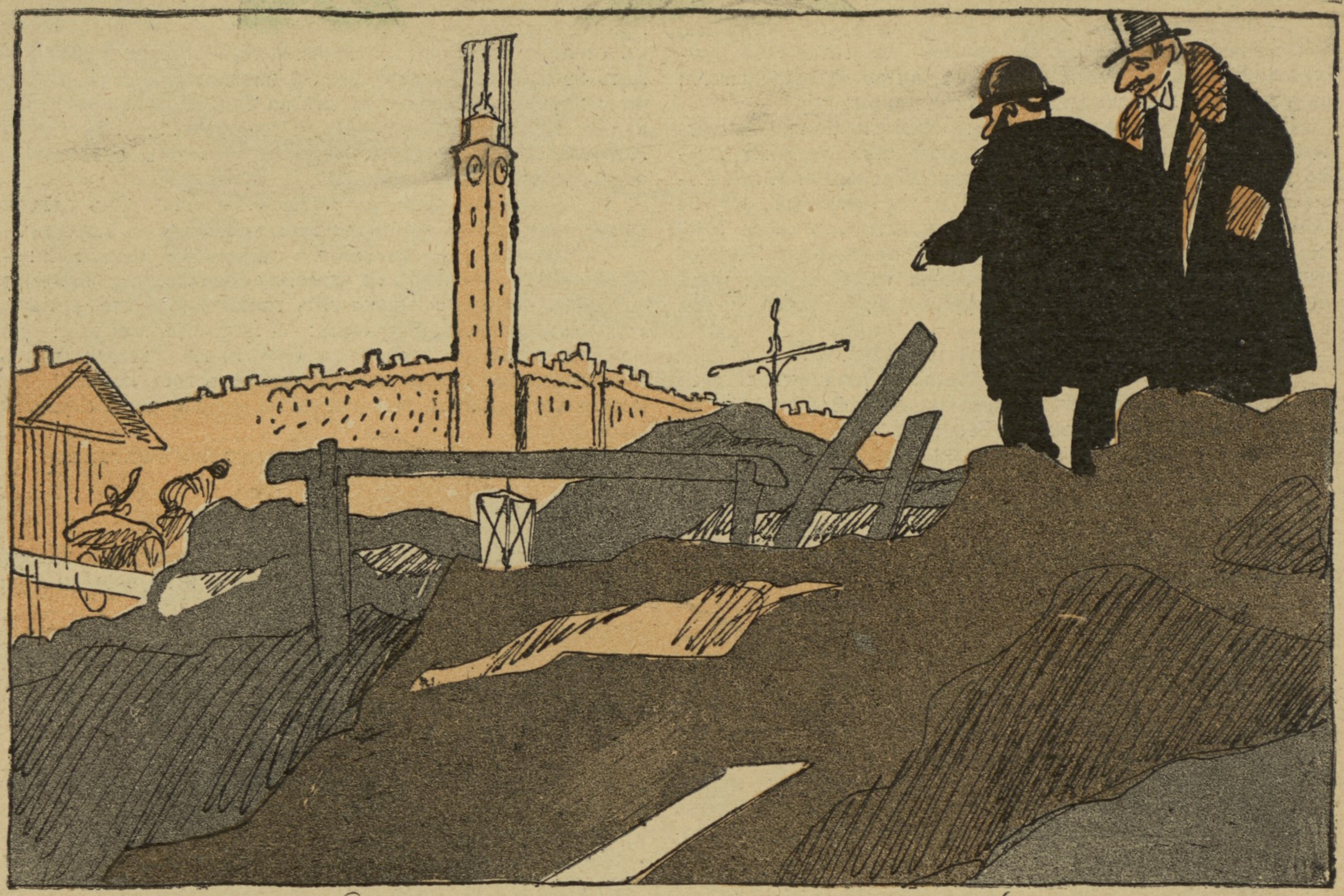
— А меня онъ заставлялъ всю жизнь играть въ карты, проиграть состояніе жены, чужія деньги и повѣситься! — мрачно произнесъ Кротовъ изъ танкредовской пьесы «Сонъ».

— А меня онъ заставлялъ всегда смѣяться глупымъ смѣшкомъ и ни къ селу ни къ городу вставлять въ каждую фразу «тово-этого»... Ему, видите ли, нужна была роль для комика!

— Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что отвѣтьте, милостивый государь господинъ сочинитель! Куда вы меня дѣвали послѣ третьяго акта?... А, вы не помните?... Такъ я вамъ напомню!.. Я эпизодическое лицо въ вашей пьесѣ «Масть»... Я прихожу во второмъ актѣ и разсказываю о томъ, что весь городъ взволнованъ изъ-за чего-то, и при этомъ заикаюсь и тоже говорю, что въ городѣ творится. А дальше у васъ написано «выходитъ». А куда выходитъ? И откуда

Рис. Н. Р.

Вмѣсто эпиграфа: Просимъ читателей ознакомиться съ послѣдней „Волчьей ягодой" на 5-й страницѣ настоящаго номера.



ПЕТРОГРАДСКОЕ.

— Почему это управцы устроили баррикады передъ самой думой?
— Изъ чувства самосохраненія.

пришелъ? И что я такое? И я только заикаюсь или, кромѣ того, еще женатъ, чѣмъ-нибудь торгую, можетъ быть, домовладѣлецъ?.. Вообще, извините меня, господинъ сочинитель, но это прямо таки безсовѣстно! Заставить человѣка заикаться и потомъ выслать, не сказавши ему даже, гдѣ онъ живетъ!...

— А я! Я? — азартно закричала сухопарая дамочка.— Что онъ со мною сдѣлалъ, этотъ несчастный сочинитель!.. Ему понадобилась глупая и эксцентричная старая дѣва, такъ я виновата!.. Развѣ я не могла быть честной женщиной? Выдалъ бы меня замужъ, далъ бы мнѣ мѣсто касоирши въ кинематографѣ, и жила бы я, какъ люди живутъ. А то изволь по его милости сохнуть въ дѣвахъ и увлекаться идеями женскаго равноправія!..

И еще, и еще выходили мужчины и женщины, молодые и старые, и всѣ протестовали, и всѣ злились, и всѣ издѣвались надъ тѣмъ, который ихъ сотворилъ.

Жутко и страшно было Танкредову выслушивать всѣ эти упреки. Но самый жуткій и страшный моментъ насталъ, когда въ толпу внезапно ворвалась та самая молодая женщина съ голубыми глазами, которую онъ вечеромъ видѣлъ у критика.

Она была блѣдна, и на глазахъ блестѣли слезы.

Ломая руки, она жалобно заговорила:

— Спасите меня, добрые люди!.. Я живу спокойно и довольна судьбой и собою. А этотъ сочинитель хочетъ затащить меня сюда!.. Онъ хочетъ дать мнѣ новую судьбу! Вы, вѣдь, знаете, какъ онъ расправляется со своими жертвами! Я люблю своего мужа, а онъ влюбитъ моего Володю въ актрису, а меня сведетъ съ какимъ-то непризнаннымъ геніемъ художникомъ... Но я вовсе не хочу, и такъ мнѣ лучше!... И я его боюсь... Я боюсь...

Толпа зашумѣла. Съ угрожающими лицами и сжатыми кулаками наступали на Танкредова мужчины и женщины. У графа въ рукахъ былъ хлыстикъ, у самоубійцы-студента револьверъ, у «роковой женщины» пузырекъ съ ядомъ... Танкредовъ самъ надѣлилъ ихъ этими страшными штуками, не подумавъ, что онѣ могутъ быть обращены противъ него.

Стало страшно. Такъ страшно, что все казалось конченымъ, вся писательская карьера и самая жизнь. Остался одинъ единственный выходъ, къ которому Танкредовъ и поспѣшилъ прибѣгнуть: онъ шарахнулся въ сторону и... проснулся.

* * *

При здравомъ обсужденіи, въ этомъ приключеніи не было ничего такого, что могло бы имѣть вліяніе на творчество и міровоззрѣніе стараго и вполнѣ установившагося писателя, какимъ былъ Танкредовъ. Мало ли какая чепуха можетъ присниться? Къ тому же, эти бунтующіе персонажи были не правы по существу. Большая часть ихъ была Танкредовымъ взята изъ жизни, а не сотворена. Тамъ же, гдѣ Танкредовъ сочинялъ, онъ не могъ считаться съ интересами каждаго въ отдѣльности. Надо было блюсти единство замысла, занимательность, театральность и еще многое другое, для автора болѣе важное, чѣмъ личные интересы вымышленныхъ героевъ.

Тѣмъ не менѣе, на Танкредова этотъ сонъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе и опрокинулъ двадцатилѣтнее зданіе пессимизма и «непріятія жизни».

Танкредовъ не бросилъ писать. Напротивъ, загорѣлся новыми замыслами и новой энергіей.

Но міръ ему представился въ другихъ краскахъ. Когда у критика опять собрались гости и опять завязался споръ о жизни, Танкредовъ сказалъ:

— А, вѣдь, въ сущности, лучше не сдѣлаешь!.. Надо только искать смыслъ въ общемъ замыслѣ, а не въ каждой фигурѣ отдѣльно. Тогда и логичность найдете, и красоту. А справедливость? Но если дать справедливость, тогда не будетъ занимательности! Это совсѣмъ не такая легкая вещь — ремесло творца, и Небо справляется съ нимъ совсѣмъ недурно!

Молодая женщина съ голубыми глазами улыбнулась Танкредову. За эту улыбку писатель рѣшилъ помѣстить ее въ ближайшій романъ и наградить ее особенно сильными страданіями. И рѣшилъ сказать ей, если она опять явится ему во снѣ: «Я васъ люблю, а счастливыми я дѣлаю тѣхъ, къ кому безразличенъ. Такое ужъ наше ремесло!»

Ю. Волинъ.

СЧАСТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ.

По газетнымъ свѣдѣніямъ Францъ-Іосифъ совершенно впалъ въ дѣтство.

Вильгельмъ: — Я ужъ и боюсь брать его на руки, нянчить — онъ мнѣ вѣчно костюмъ испортитъ.

ПРОСТО, КАКЪ ПАЛЕЦЪ.

Почему въ Петроградѣ такъ участились кражи въ магазинахъ? Почему каждую ночь гдѣ-нибудь проламываютъ стѣну или потолокъ, забираются въ магазинъ и выносятъ оттуда всякій товаръ, который попадется подъ руку? Почему? Воровъ и жуликовъ стало больше? Ничего подобнаго.

Это вотъ что:

Просто заходитъ обыкновенный любой покупатель въ любой магазинъ.

— Д-расте.

— Д-расте.

— Мнѣ бы гуся надо. И масла сливочнаго фунтикъ.

— Извольте. За гуська 15 рублей, за маслице два съ полтинкой. Куда же вы?!.

— Нѣтъ . . . я . . . знаете . . . тово . . . Я не могу. Я послѣ зайду. А галоши есть?

— Есть. 30 рублей.

И бредетъ къ выходу, пошатываясь, блѣдный обезкураженный человѣкъ.

— Пожалуйте, — кричатъ ему вслѣдъ. — Дешевле нигдѣ нѣтъ.

— Я послѣ зайду, — лепечетъ покупатель.

И заходитъ. Послѣ. Когда никого нѣтъ. Черезъ проломанный потолокъ. Дешево и сердито.

Пишущій эти строки еще не дошелъ до этого. Но, вѣроятно, дойдетъ.

Читатель! А нѣтъ ли у васъ свободнаго ломика и отмычекъ до послѣзавтра? Одолжили бы.

Медуза-Горгона.

Рис. В. Лебедева.

ПУСТЫЕ РАЗГОВОРЫ.

Я помню, какъ одинъ разъ я засталъ мою пріятельницу, очень маленькую дѣвочку съ большими синими глазами, за очень непродуктивнымъ и некрасивымъ занятіемъ. Она поймала большую сѣрую кошку, схватила ее, какъ умѣютъ это дѣлать только ребята, поперекъ живота, и тискала ее гдѣ-то въ углу.

— Ты что это дѣлаешь?

— Жму, — серьезно ввела она меня въ курсъ дѣла.

— А зачѣмъ?

— Хочу, чтобы она разговаривала.

— А тебѣ это зачѣмъ понадобилось?

Моя пріятельница немного задумалась надъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, вздохнула, немнеого поосвободила кошку и подѣлилась своими соображеніями.

— Она молчитъ... а я не знаю, во что съ ней играть...

Это была очень глупая дѣвочка, но кошкѣ было непріятно. Тогда я не понималъ ихъ обѣихъ. На мѣсто упорной дѣвочки я пошелъ бы играть съ куклой, а на мѣстѣ кошки поцарапалъ бы ее и убѣжалъ на дворъ.

Теперь я понимаю ихъ.

* * *

Недавно я видѣлъ одного редактора газеты, который сидѣлъ за своимъ столомъ, мрачный, тупой отъ заботъ, злой отъ нихъ же и придирчивый отъ какихъ-то другихъ причинъ.

— У меня нѣтъ злобы дня, — сказалъ онъ, плачущимъ голосомъ, посмотрѣвъ на меня.

— Пустяки, — диллетантски замѣтилъ я, — злобъ уйма...

— Я не знаю, что надо писать. Я не знаю, что они хотятъ читать. Я не знаю, какъ теперь быть интереснымъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я давалъ статьи о Германіи. У меня писали все, начиная отъ тайнъ дворца Гогенцоллерновъ, кончая статистическими выводами, насколько можетъ хватить въ Германіи запасовъ сельдерея. Мои читатели должны были изучить страны нашихъ враговъ, настолько, что могутъ быть гидами въ любомъ изъ австрійскихъ городовъ.

— Пишите о союзникахъ.

— Мерси. Уже два года. Если вы мнѣ найдете хоть одного моего подписчика, который бы не могъ начертить разрѣза англійской пушки, не привести цитаты изъ рѣчи Эдуарда Грея или не зналъ походныхъ пѣсенъ французскихъ тюркосовъ — я отдамъ вамъ два серебряныхъ рубля, которые сохранилъ на память...

— Да, но внутреннія событія...

— Ага... Очереди, мясныя карточки, сахарные хвосты.. Шесть моихъ лучшихъ сотрудниковъ рыдали, умоляли, смѣялись, катались по полу надъ этими темами... У меня былъ спеціальный фельетонистъ для сахара, я приглашалъ для очередей лучшихъ помощниковъ, у меня полтора года билъ себя въ грудь на каждой строчкѣ талантливѣйшій публицистъ по поводу отсутствія предметовъ первой необходимости... Недавно онъ умеръ, и у него въ мозгу нашли мозоль величиной съ куриное яйцо... Я сидѣлъ на продовольственныхъ вопросахъ, пока подписчики не стали приходить пачками и валялись на колѣняхъ передъ барышней, принимающей подписку, чтобы имъ перестали высылать газету... Вы понимаете это состояніе, когда стоитъ на колѣняхъ отецъ семейства изъ пяти взрослыхъ дочерей...

— Да, но вѣдь...

— Молчите, вы... Я сталъ помѣщать статьи о нейтральныхъ государствахъ. Тогда они стали вооружаться и принимать участіе въ войнѣ. У меня писали о замкахъ португальскаго, голландскаго, занзибарскаго двора... У меня стали появляться замѣтки о голландскихъ пушкахъ, португальскихъ авіаторахъ... Развѣ же это злоба дня, когда о выступленіи цѣлаго государства, я уже долженъ былъ помѣщать замѣтки въ двадцать три строки среди отдѣла смѣси и сторонникъ сообщеній...

— Ну, что же вы ду..

— Молчите... Я сторожа позову! Васъ выкинутъ, какъ собаку. Принесите мнѣ читателя — пусть онъ скажетъ, что же теперь злоба дня... О чемъ писать, чтобы это животное не вымирало отъ скуки. Пусть онъ скажетъ, этотъ мерзавецъ, что ему интересно — кусокъ мяса, датская армія, гогенцоллернская тетка, или новый циркуляръ астраханскаго попечителя... Принесите мнѣ его...

* * *

* * *

Вотъ теперь я понялъ, что моя маленькая пріятельница была не глупѣе моихъ большихъ пріятелей.

Мнѣ она представляется сейчасъ въ роли редактора... Вотъ онъ схватилъ поперекъ живота большаго лысаго, потертаго читателя, прижалъ его гдѣ-то въ углу и жметъ, выдавливая его читательское слово:

— Во что съ нимъ играть...?

И, какъ пойманная кошка, кряхтитъ читатель, которому все равно некуда убѣжать: другая газета не лучше... Читатель какъ кошка — его говорить не заставишь.

Арк. Буховъ.

ВСПЫШКА ГОРДОСТИ.

— Мнѣ это непріятно, но я долженъ тебя предупредить: весь городъ говоритъ, что Бычковъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ твоей женой.

— Подумаешь, какая важность: захочу — и я буду съ ней въ близкихъ отношеніяхъ.

В.

Отъ редакціи

Готовится къ печати слѣдующій **СПЕЦІАЛЬНЫЙ** номеръ „Новаго Сатирикона“

„ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ“.

ЖЕРТВА ТРАМВАЯ.

Разсказъ.

Джой, низкорослый, мускулистый бульдогъ тигровой масти, лежалъ посреди кабинета своего хозяина Стриженина и грызъ беззащитный каблучокъ брошенной на коверъ туфельки гостьи. Возлѣ валялись: другая обгрызенная туфля, широкополая шляпа съ поломанными, обсусленными перьями и порванное свирѣпыми зубами манто.

Тяжелыя портьеры на дверяхъ, ведущихъ въ спальню, колыхнулись, нѣжныя женскія руки раздвинули ихъ, и Джой, зловѣще ворча, скрылся подъ стулъ...

Гостья, Клавдія Викторовна, розовая, растрепанная и счастливая, вошла въ кабинетъ, поправила передъ зеркаломъ волосы и обернулась, удивленная тѣмъ, что не слышитъ за собою шаговъ. Позвала нерѣшительно:

— Сергѣй, иди же сюда... Помоги мнѣ одѣться... Сережа!

Подъ стуломъ громче заворчалъ Джой. Клавдія Викторовна глянула внизъ, и лицо ея поблѣднѣло, стало растеряннымъ и жалкимъ.

— Боже, что это? Господи!

Она сѣла на коверъ и водила руками, не смѣя коснуться своихъ истерзанныхъ вещей.

Изъ спальни вышелъ Стриженинъ. Клавдія Викторовна подняла къ нему жалкое, трепещущее лицо:

— Посмотри... Боже!

Онъ стоялъ надъ ней пресыщенный, равнодушный, съ папиросой въ лѣвомъ углу рта и руками, засунутыми въ карманы подвернутыхъ брюкъ.

Лѣниво удивился:

— Джой? Ахъ, свинья... Небывалый случай. Духи ему что ли твои не понравились... Вотъ зубы... П'шелъ вонъ. П'шелъ!

Онъ выгналъ Джоя изъ-подъ стула, потомъ изъ комнаты. Клавдія Викторовна съ трудомъ подавила дрожаніе губъ.

— Брось его. Помоги мнѣ.

Стриженинъ съ преувеличеннымъ недоумѣніемъ поднялъ плечи:

— Голубушка? Что же я могу? Посуди сама: сдернуть портьеру, въ коверъ тебя завернуть? Выбирай любое.

Онъ былъ въ знакомомъ ей недобромъ настроеніи. Ей захотѣлось плакать, но она пересилила себя и улыбнулась блѣдными губами.

— Не шути. Вѣдь мужъ же ждетъ... Сережа!

Онъ зѣвнулъ.

— Придумывай, милая. Я пасую.

Она мучилась:

— Магазины всѣ заперты.. Да и все равно: не могу же я вернуться домой во всемъ новомъ... И въ магазинъ такъ нельзя было бы ѣхать. Какъ же быть? Сережа?

Онъ подумалъ, потрогалъ лакированнымъ носкомъ туфли растерзанную шляпу, пожалъ плечами:

— Попробуй одѣться. Можетъ быть, на тебѣ это и не такъ замѣтно будетъ...

Она одѣлась трясущимися руками, едва удерживаясь, что бы не зарыдать отъ отчаянія и обиды. Одѣтая, имѣла ужасный видъ.

Лицо Стриженина вдругъ ожило, сверкнуло:

— Милая! Идея!

Онъ торопливо снялъ телефонную трубку.

— Барышня, 244-36.

Клавдія Викторовна растерялась:

— Что ты хочешь? Сережа?

Она хотѣла помѣшать ему, но онъ отстранилъ ее:

— Постой-постой, не мѣшай... Вы, Андрей Александровичъ? Да... Стриженинъ... Здравствуйте... Вы только не волнуйтесь. Дѣло въ томъ, что съ Клавдіей Викторовной несчастье... т. е. все, повидимому, обошлось благополучно сравнительно... Она попала подъ трамвай. Сейчасъ у меня. Да, ради Бога, только скорѣй... Адресъ знаете?.. Да-да, очень жду...

Онъ повѣсилъ трубку и, торжествующій, обернулся къ Клавдіи Викторовнѣ:

— Какова идейка? Подъ трамвай!

— Дѣйствительно... — она нервно разсмѣялась. — Костюмъ въ клочья, а на мнѣ ни одной царапины, ни одного синяка? Да? Очень остроумно. Удивительно!

Онъ усмѣхнулся недобро:

— Ну, милая, на тебя не угодишь... Хочешь, Джоя натравлю?

Она поблѣднѣла, и губы ея снова задрожали.

— Какой ты грубый!

— Грубый? Что дѣлать. Каковъ есть.

Она стиснула пальцы:

— Зачѣмъ ты вызвалъ мужа? Я не могу сейчасъ играть комедію. Ну, пойми же, не могу!

Онъ стоялъ передъ ней съ папиросой въ зубахъ, посмѣивался красивымъ недобрымъ ртомъ, и въ глазахъ его не было ничего, кромѣ непріязни и холоднаго любопытства.

Клавдія Викторовна поняла, что сегодняшній вечеръ безповоротно рушитъ ея единую радость, хрупкость которой она болѣзненно чувствовала всѣ послѣдніе мѣсяцы. Ей захотѣлось броситься на кушетку, спрятать лицо въ шелковыхъ подушкахъ и рыдать-рыдать безутѣшно, но она снова пересилила себя, только крѣпче сцѣпила пальцы.

— Вся эта любовь твоя — ложь. Да, ложь, ложь!

Стрижевскій съ непріязненнымъ любопытствомъ наблюдалъ ее:

— Истерика? Поздравляю!

Клавдія Викторовна сдержалась, положила на его плечи свои легкія, изнѣженныя руки:

— Нѣтъ... Ну, посмотри мнѣ въ глаза: любишь? Да? Издѣваешься... Какая это любовь? Какой ты другъ мнѣ? Уѣду — отправишься въ какой-нибудь грязный кабакъ, будешь разсказывать о сегодняшнемъ вечерѣ, назовешь меня... Что? Неправда? Охъ, подлый, подлый, недобрый человѣкъ...

Она осѣклась, увидя входящаго мужа. Онъ вошелъ въ калошахъ, шубѣ и шапкѣ, испуганный, запыхавшійся, бросился къ ней:

— Клавдюся, милая... Цѣла?

Она оцѣпенѣвъ, смотрѣла на него, на его длинную, рѣденькую бороденку, некрасивое, обвѣтренное лицо, большія, замершія кисти рукъ и вдругъ зарыдала, затопала остатками каблучковъ:

— Это свинство. Гдѣ вы пропадаете? Чѣмъ заняты? Никогда не можете проводить жену. Не думаете о ней совсѣмъ. Эт свинство, свинство, свинство!..

Она бросилась на кушетку и разрыдалась, а онъ, ошеломленный этими рыданіями и упреками, испуганный истерзаннымъ видомъ жены, и радующійся тому, что она жива, двигается, говоритъ, гладилъ ея волосы, цѣловалъ ея лицо и руки:

— Клавдюся... Ну, милая, полно... Я самъ заплачу... Полно, родная...

И некрасивое, обвѣтренное лицо его морщилось, и торопливо и предательски мигали покраснѣвшія вѣки...

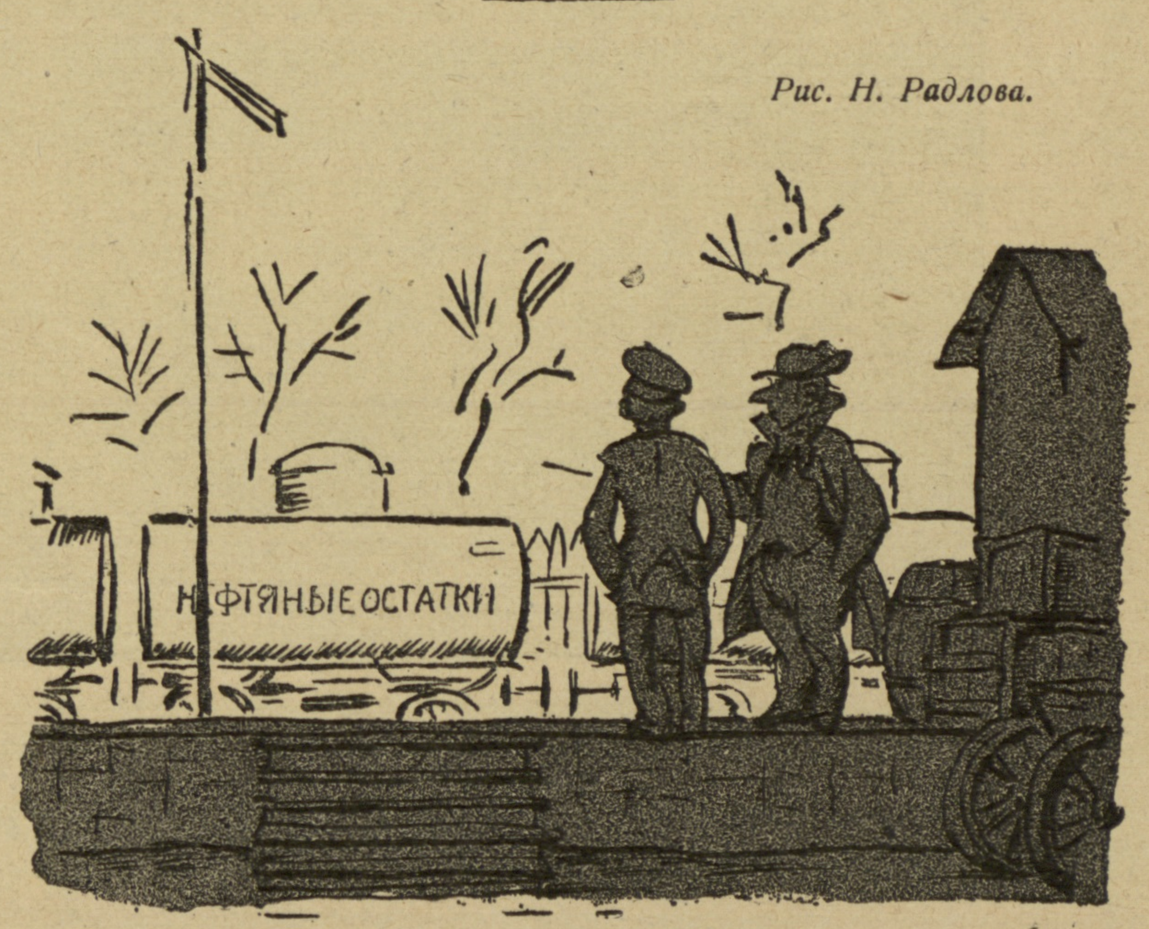
Л. Григорьевъ.

ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ.

— А германскій кронпринцъ опять стянулъ войска.
— У кого?

Волкъ.

Рис. Н. Радлова.



ПРОСТАЯ ДУША.

— Боже мой! Пятьдесятъ вагоновъ однихъ нефтяныхъ остатковъ?! Сколько же тутъ нефти, въ такомъ случаѣ?

Рис. Бориса Григорьева.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ.

— Теперь мужчины узнаютъ, что такое газовая атака!..

СТОРОННЕЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ Москвѣ вышелъ самоучитель французскаго языка съ „разговорами“.

Здѣсь будетъ очень умѣстно привести, вмѣсто объявленія о подпискѣ на нашъ журналъ — образецъ такого разговора (стр. 173. Ч. II.):

— Имѣетъ ли вашъ папаша полученіе по подпискѣ „Новаго Сатирикона“, издающагося въ Петроградѣ?

— Нѣтъ, не имѣетъ, но мой дядя имѣетъ три мѣсяца за повышеніе цѣнъ на муку.

— Это не равнозначуще, но, можетъ быть, ваша мама имѣетъ подписку на этотъ суть сатирическій журналъ?

— Нѣтъ, мама таковой подписки не имѣетъ, но ея двоюродный братъ обладаетъ синяками на лицевой части головы, кои суть слѣдствіе его живой натуры.

— Это тоже не равнозначуще, но, можетъ быть, ваша дорогая бабушка или вашъ многоуважаемый дѣдушка или ваша скромная тетя — имѣютъ подписку на этотъ суть сатирическій журналъ?

— Да, они всѣ имѣютъ, но разное: моя бабушка — не подписку, а подагру, мой дѣдушка имѣетъ подписку векселей, а моя скромная тетя имѣетъ подписку о невыѣздѣ по скромному дѣлу о поджогѣ уютнаго домика.

— Гм! Но, можетъ быть, мой молодой другъ, съ которымъ я имѣю честь разговаривать, имѣетъ подписку на сей журналъ?

— О, да онъ имѣетъ подписку на сей журналъ, но его огорчаетъ, что цензура такъ прижимаетъ, сіе скромное безвредное изданіе.

Дальнѣйшаго разговора въ самоучителѣ нѣтъ, но мы прибавляемъ отъ себя:

— Такая большая семья и только одинъ въ ней нашелся умный, разсудительный и тактичный молодой человѣкъ!

Что касается подписки, то она, дѣйствительно, объявляется на журналъ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ на **1917 годъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 ГОДЪ

на журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконъ“. Редакторъ Аркадій Аверченко.

БУДУТЪ ДАНЫ ДВѢ ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ.

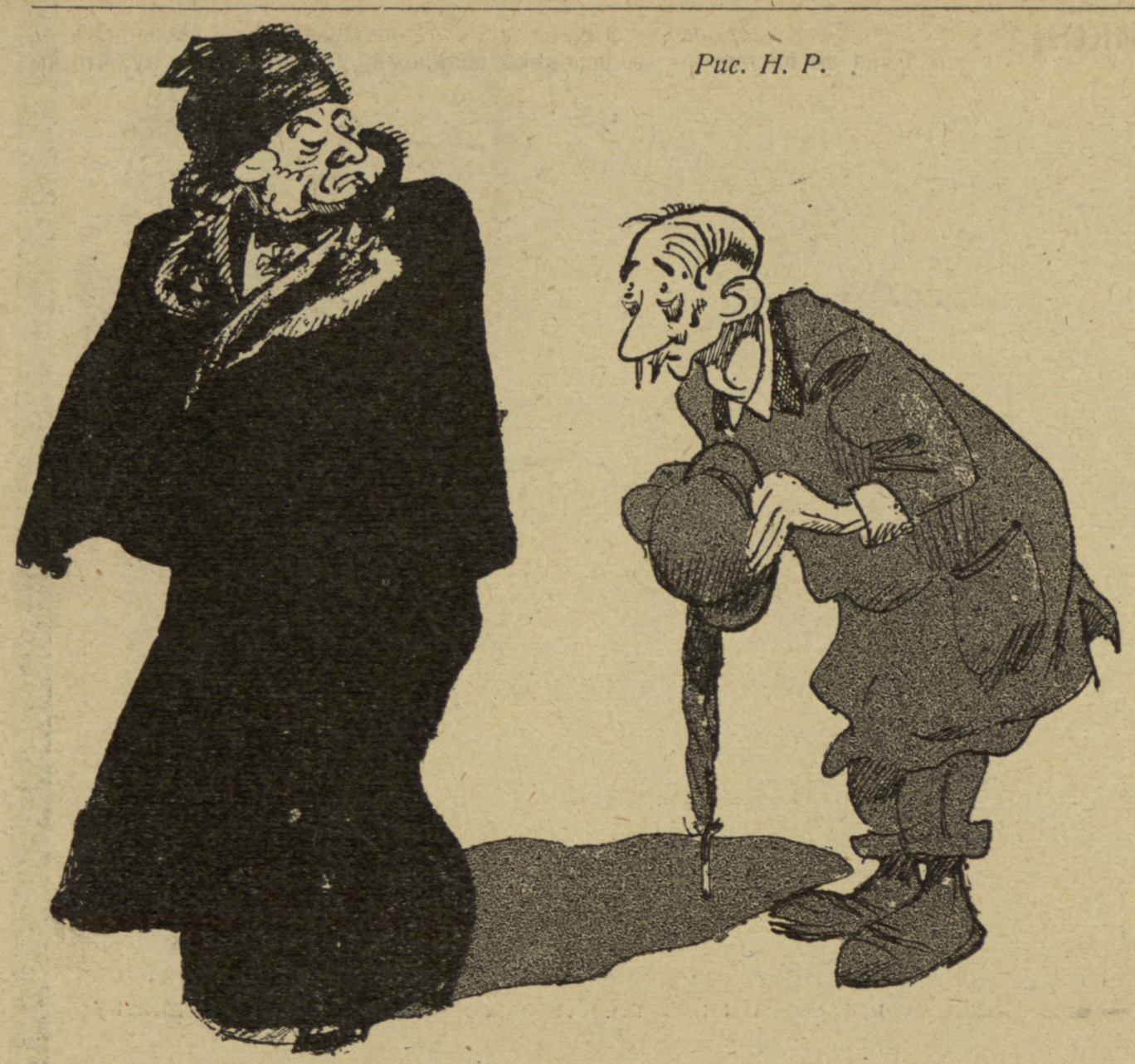
ПОДРОБНОСТИ — ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ дост.) **10** руб. Съ перес. и дост. **11** руб., полгода **6** руб., 3 мѣс. **3** руб.

Цѣна № въ розничной продажѣ 25 к., на станц. желѣзн. дорогъ **30** коп.

Рис. Н. Р.



ОБЕЗПОКОИЛЪ.

— Простите, ваше-ство... я нечаянно на вашу тѣнь наступилъ.

ОТЕЦЪ

Я — отецъ бездарныхъ сыновей,
И ничто не мило мнѣ на свѣтѣ.
Я брожу по саду. Онъ въ расцвѣтѣ:
На деревьяхъ изумрудъ вѣтвѣй,
По землѣ рубины, и сапфиры,
И топазы — словно я попалъ
Въ сказку, въ тайный королевскій залъ,
А не въ садъ свой вышелъ изъ квартиры.
Я сижу подъ липой на скамьѣ
И читаю... Люди, ихъ сплетенья,
Ихъ дѣла... Но все полно движенья!
Все творитъ!.. И лишь въ моей семьѣ —
Двѣ нагія сохнувшія вѣтки,
Два птенца, глядящіе мертво
Въ божій міръ, безплодно для него,
Но на радость матери-насѣдкѣ...
Я отецъ бездарныхъ сыновей.
По утрамъ я нѣжно ихъ цѣлую,
А потомъ надъ книгами тоскую
И стою безцѣльно средь аллей...

Ал. Вознесенскій.

ВЪ МЯСОПУСТНЫЕ ДНИ.

— Ты что это дѣлаешь, гадкій мальчишка?..

— Пуговицы отъ пальто рву, можетъ, хоть одну «съ мясомъ» вырву.

С. М.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ? ВЪ РЕСТОРАНѢ **И. С. СОКОЛОВА.** Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22. **Комфортабельные кабинеты.** Ресторанъ открытъ до 11 ч. ночи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ПАПИРОСЫ

Перемѣна адреса.

Контора журнала, „Новаго Сатирикона“ взимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса **30** коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благодаря чему является незамѣнимымъ средствомъ при различныхъ желудочныхъ заболѣваніяхъ, а также рекомендуется для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 27 ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)

МОСКВА, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“:

Выпускъ 1-й. **Ал. Гринъ.** Происшествіе въ улицѣ Пса. Цѣна **50** коп.
„ 2-й. **Графъ Алексѣй Толстой.** Оріонъ. Цѣна **50** коп.
„ 3-й. **Александръ Рославлевъ.** Князь изъ Альгамбры. Цѣна **50** коп.
„ 4-й. **Александръ Рославлевъ.** Записки полицейскаго пристава. Цѣна **50** к.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Петру Иванычу. — Радуется, веселится простодушный Петръ Иванычъ:

„Мнѣ всего 23 года, а уже написалъ 3 большихъ тетрадки стиховъ...“

Это что! Въ ваши годы Александръ Македонскій завоевалъ уже весь міръ.

Стихи — отвратительны.

Водяному. — Водяному повезло. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути рѣдкую замѣчательную женщину:

„У нея въ ушахъ сережки
На ногахъ жъ (?) браслетъ
Не встрѣчалъ подобной крошки
Я нигдѣ, о, нѣтъ“.

Такая женщина — кладъ. Если уйдетъ — вся жизнь потускнѣетъ. А Водяной не дорожитъ ею, свои стихи вслухъ читаетъ:

„Передъ милой крошкой таю
Дѣлаю и то и се,
Ей свои стихи читаю,
Ей читаю все!“

Долготерпѣлива и многомилостива русская женщина.

Б. Провинція.

Казань. — Кокочкѣ. — Посылая разсказъ, Кокочка признается, что онъ „отъ Сатирикона безъ ума“.

Печально. Этотъ недостатокъ существенно отразился на стихахъ.

Безъ города. — Мезенцову. — Послушайте, г. Мезенцовъ... Судя по письму — вы человѣкъ солидный, уважаемый... ну, что вы такое написали — посудите сами:

„Корова з а ш е в е л и л а рогами и взглянула на ребенка“.

Конечно, разсказа не напечатаемъ. Пусть ваша корова шевелитъ рогами въ другой редакціи.

Ростовъ н/Д. — Англоману. — Англоманъ-то англоманъ, а каламбуритъ такъ, какъ каламбурятъ гдѣ-нибудь въ Чебоксарахъ или Устюжнѣ:

„Мы легли на трынъ-траву, а надъ нами раскинулось небо съ овчинку. Сбоку тихо покачивалась пальма первенства“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы предпочитаемъ заграничной пальмѣ нашу простую русскую лозу.

Омскъ. — Катыку. — Катыкъ рѣшилъ пребольно отбичевать современность:

„Посмотрю я туда и сюда —
Всюду вижу: одна ерунда
Брошусь влѣво, назадъ и впередъ,
Вижу: все у насъ наоборотъ.“

Не суетитесь, Катыкъ. Вы уже большой: стыдно.

Кишиневъ. — Іосѣ Дряб... — У героя бѣднаго Іоси, „сверкаетъ на пальцѣ огромный роскошный малахитъ“.

Если вы хотите, Іося, редакція „Нов. Сат.“ обвѣшаетъ васъ малахитомъ съ ногъ до головы.

Только едва ли вы засверкаете послѣ этого.

Редакція васъ любитъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми

Аркадій Аверченко.

О маленькихъ--для большихъ.
РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.
О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.
ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.
САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.
ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.
Разсказы для выздоравливающихъ.
ВЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ.
КРУГИ ПО ВОДѢ.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.
НИЧЕГО ПОДОБНАГО.
ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.
И СТАЛО ТАКЪ.

Аркадій Буховъ.

Жуки на булавкахъ.
ЧОРТОВО КОЛЕСО.

Цѣна каждаго экземп. 1 р. 50 к.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, Аркадій Аверченко.
№ 13 Тэффи,
№ 14 Г. Ландау,
№ 15 Аркадій Аверченко,
№ 16 О. Л. Д'Оръ.

Спеціальные выпуски дешевой библіотеки „Новаго Сатирикона“:

Аркадій Аверченко.
О нѣмцахъ и прочемъ такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Арк. Буховъ.
Цвѣтокъ въ петлицѣ.

Тэффи.
Зарево битвы.
Житье-бытье.

О. Л. Д'Оръ.
Проклятіе начавшимъ.

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Петроградъ Дозволено военной цензурой. 18 октября 1916 г.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ КАРТОЧКИ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Рис. А. Радакова.

САХАРНАЯ.

ДЕНАТУРАТНАЯ.

ДРОВЯНАЯ.

ХЛѢБНАЯ.